

УДК 82-1 (17.82.10)

И. Р. Санникова

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

Рассматривается вопрос о религиозно-философском своеобразии лирики представителя русского зарубежья Дальнего Востока Валерия Перелешина. В религиозно-философских мотивах и образах поэта достаточно четко прослеживается влияние философии русского космизма.

Ключевые слова: лирика, русское зарубежье Дальнего Востока, Валерий Перелешин, философия, религия, русский космизм.

Рассмотрение творчества Валерия Перелешина с точки зрения религиозно-философского содержания обусловлено характером изучаемого материала, в котором на первом плане четко выделяются размышления над общими вопросами бытия и познания, внимание к проблемам онтологическим, экзистенциальным, гносеологическим, а также эстетическим и этическим. Из-за стремления к обобщению литературе в целом изначально свойственна философичность, но, как отмечал А. Ф. Лосев, «подлинная символика есть уже выход за пределы чисто художественной стороны произведения» [1, с. 119].

Валерий Перелешин старался держаться подальше от политики, размышляя главным образом над вечными вопросами бытия. Его произведения привлекают многих читателей своим психологизмом, контаминацией бытийного и космического начал. Сам поэт писал следующее: «Не случайно линия поисков соприкосновения с миром за пределами впервые зазвучала в моем первом значительном стихотворении “Вечный Рим”, возникшем у меня, когда мне было девятнадцать лет. Остались эти поиски и на все последующие годы. Принимали они разные формы от почти совершенной догматической чистоты до богоборчества, от веры до неверия со всеми промежуточными этапами сомнений, скептицизма, уклона то в гностицизм, то в буддизм, от «Крестного пути» до почти шуточного «Апокрифа». Важно, что философская и христианская проблематика всегда меня волновала и, если не избегать затасканного словоупотребления, вдохновляла» (цит по: [2, с. 43]).

Творчество Валерия Перелешина очень долгое время оставалось в тени, но в последнее время внимание литературоведов к поэту неуклонно возрастает. В докторской диссертации О. А. Бузуева «Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Проблематика и художественное своеобразие (1917–1945)» (2001 г.) Валерию Перелешину посвящена отдельная глава, где анализируются основные темы и мотивы «китайского периода» творчества. В кандидатской диссертации китайской исследовательницы Лю Хао «Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенден-

ции» (2001 г.) рассматриваются историко-литературные и образно-тематические аспекты творчества В. Перелешина. В кандидатской диссертации Т. М. Соловьевой «Лирика Валерия Перелешина: проблематика и поэтика» (2002) представлено целостное рассмотрение поэтической системы русского поэта-эмигранта в ее становлении и эволюции на разных уровнях.

Религиозно-философский аспект в творчестве Валерия Перелешина до настоящего времени в полном объеме не изучался. Этим и определяется научная новизна данной статьи.

Валерий Перелешин (Салатко-Петрище) происходил из старинного польско-белорусского рода. Еще будучи ребенком, в 1920 г., спасаясь от большевиков, матерью он был вывезен в Харбин, где в 1936 г. окончил юридический факультет, начал работать над диссертацией, но работу завершить не удалось из-за оккупации Харбина японцами. Здесь Валерий Перелешин печатался с 1930-х гг., впервые его стихотворения появились в известном харбинском журнале «Рубеж». Редактор журнала М. С. Рокотов (как позднее стало известно из переписки) высоко оценил поэтический дар молодого поэта. По рекомендации М. С. Рокотова Валерий Францевич сменил фамилию Салатко-Петрище на Перелешина.

В 1938 г. поэт постригся в монахи, с 1939 по 1943 г. под именем Гермогена он служил в Русской Духовной Миссии в Пекине, а с 1943 по 1945 г. – в Шанхае. В 1945 г. Перелешин принял решение уйти из монашества, недолгое время жил в США, откуда был выслан в Гонконг. В 1952 г. он переехал в Бразилию, где и жил до самой своей смерти.

За всю свою творческую деятельность поэт издал тринадцать сборников: «В пути» (1937), «Добрый улей» (1939), «Звезда над морем» (1941), «Жертва» (1944), «Южный дом» (1968), «Качель» (1971), «Заповедник» (1972), «С горы Нево» (1975), книга сонетов «Ариэль» (1976), «Три родины» (1987), «Из глубины воззвахъ» (1987), «Двое – и снова один?» (1987) и «Вдогонку» (1988).

Основными для религиозно-философской поэзии Перелешина становятся проблемы жизни, смерти, бессмертия, хаоса и упорядоченности, со-

отношение сиюминутного и вечного, человеческого и космического, божественного.

Своими учителями Валерий Перелешин считал Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова. В архиве поэта была найдена тетрадь объемом в 625 страниц. В эту тетрадь молодой Перелешин переписывал тексты из эмигрантских книг, журналов (особенно много текстов из парижского журнала «Числа»). Объяснение этому труду можно найти в его статье 1934 г. в харбинской газете «Чураевка» № 6: «Для нас важнее всего то, что мы осознали культурное единство эмиграции, в котором видим залог ее будущего, осознали и то, что мы – частица этого единства». Молодой поэт ставит перед эмигрантскими писателями Харбина, в том числе и перед собой, цель «продолжить пушкинско-блоковскую традицию русской литературы» [3].

Как известно, на развитие мастерства Перелешина оказал влияние русский акмеизм. Представители данного литературного направления «проявляли особый интерес к проблеме читательского восприятия» [4, с. 180]. Но, по мнению О. А. Бузуева, «это было, скорее всего, формальное влияние, касающееся “построения” стиха, адамизм же Гумилева ему был чужд» [2, с. 22].

Доказательством данных выводов является письмо Перелешина: «...начал я ученичеством у Гумилева, считал себя акмеистом (но не «адамистом»), а с 1967 года, когда Мэри втолкнула меня обратно в литературу, стал постепенно отходить от чистого акмеизма. Однако в форме пошел дальше Гумилева. Запретил себе неточные рифмы и прочие вольности. Из Иваска (или через некого от кого-то другого) воспринял учение о благозвучии: и как теперь легко стало писать!..» [5, с. 149].

«Достаточно высокая оценка, данная первому поэтическому сборнику Валерия Перелешина Н. Резниковой, во многом относится к уже прошедшей испытание временем поэтике А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилева» (цит. по: [2, с. 23–24]).

В стихотворениях поэта в мучительных размышлениях о смысле жизни лирический герой разрывается между отчаянием и надежной, между тоской одиночества и ощущением братского единства на чужбине, между ощущением конца и осознанием своей родства с космосом.

Анализируя творчество раннего Перелешина, исследователь О. А. Бузуев отмечает то, что «философская лирика Перелешина насыщена отвлеченными образами, за которыми скрываются и первое чувство влюбленности, и стремление обрести свой, неповторимый, путь в этом мире, и желание гармонии, которая видится в “пчелиной” жизни (образы “трудолюбивой пчелы”, “сердца-пчелы”, “веселой рабочей пчелы”). Размышления ли-

рического героя о жизни, о любви, о судьбе проникнуты сиюминутными переживаниями, порой очень точными и верными. В них ощущается неожиданная для начинающего поэта зрелость, пока только литературная, но искренняя...» [2, с. 28].

На наш взгляд, в лирике Перелешина можно отметить идеалистические взгляды, отвергавшие всеобъемлющую силу разума. Особенно заметно в его произведениях влияние идеи русского космизма, суть которой состояла в единстве человека и космоса, в представлении о космосе как структурно-упорядоченной системе. Еще Наталья Резникова в журнале «Рубеж» (1937, № 46) в рецензии на первый сборник В. Перелешина «В пути: 1933–1937» отмечала: «Его стихи классически строги, точны, холодны. Но холод его стихов обжигает, он опалает не меньше, чем жар... Его стихи умны. Пусть они не душевны – они духовны. И путь поэта – от мира к Богу... От земного к небесному – вот постепенный рост поэта...» [6, с. 122–123].

Русский космизм – это течение религиозно-философское, которое основано на холистическом мировосприятии, основанном на идее теологической эволюции Вселенной. Идея космизма достаточно активно распространялась Н. А. Сетницким, оглашавшим свои идеи и в харбинской организации поэтов «Чураевке», участником которой был и Валерий Перелешин.

Душевное одиночество, предчувствие социальных катаклизмов способствовало желанию Перелешина осмыслить тонкую связь между человеком и Космосом, чтобы впоследствии восстановить утраченное единство мира. В лирике поэта четко прослеживается идея завершенности творения и закономерности мироздания. В своих произведениях он обращается к Космосу, к проблемам человека в этом мире, к поиску Бога и Истины.

В лирике автора мы не найдем произведений на острые социальные темы, изображающих «бытовую» жестокость, несправедливость сиюминутной действительности. Поэт размышляет об общем, всечеловеческом, всекосмическом:

Я широк, как морское лоно:

Все объемля и все любя,

Все заветы и все знамена,

Целый мир вбираю в себя [7, с. 402].

Одушевление природы – не просто постоянный художественный прием, а попытка постичь ее душу и язык. Лирический герой Перелешина проявляет тонкую наблюдательность, внимание к миру явлений природы. Человек показан как ее сын. Он хочет познать устройство бытия, здесь эстетическое соприкасается с гносеологическим.

Природа играла значительную роль в философском мировоззрении и образной системе Перелешина, помогая установить контакт между челове-

ком и Космосом. В соответствии с идеей русского космизма, поэт воспринимает природу как явление духа, а Космос как духовный организм.

В лирике поэта достаточно четко прослеживается идея Серебряного века о «трехсоставности» человеческой души: соединении божественного – человеческого – звериного. Так, в стихотворении «Молчанье» человечество, обладая незримыми ангельскими крыльями, в то же время проявляет и свое звериное начало:

... Мы к нашему Богу летим.
Быть может, в Его литургии,
На небе, зачем-то нужны
Мычащие глухонемые,
Придавленные горбуны? [7, с. 384].

Интересно заметить, что Валерий Перелешин роднит себя и с миром живой, и с миром неживой природы. Так, в стихотворении «Возвращение» автор сравнивает себя с блудным сыном «тишайшего озера», который возвращается к его истокам, когда ему плохо, когда хочется душевного и физического успокоения:

А груз, который так давно клянусь –
Земную ношу боли и позора, –
Во всепрощающую глубину
Повергну я, тишайшие озера! [7, с. 391].

В стихотворении «Предел» невозможность развития любовных отношений объясняется тем, что герои слишком разные: она, словно дерево, а он подобен хрупкому цветку:

Но я – цветок болезненный и странный,
И – дикая ты яблоня в лесу [7, с. 392].

Истоки человеческой способности эмоционально проявлять чувства радости и восторга поэт находит уже в мире живой природы, потому что именно она живет по-настоящему, искренне, подчиняясь только своим природным инстинктам:

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком [7, с. 412].

Стихотворения о природе в творчестве Перелешина никак нельзя назвать пейзажной лирикой, потому что природа в его произведениях – это и самостоятельный герой, и часть лирического героя, и собеседник, участвующий в философских размышлениях человека.

Природа помогает лирику установить контакт между трансцендентным божественным миром и человеком; это мерило ценностей (гносеологических, эстетических, нравственных), воплощение желанной соразмерности. Например, в стихотворении «Слияние» лирический герой говорит о том, что если человек «уподобится птице», загорится над белым туманом «яркой и нежной зарницей», если биения сердца его «в лепестках заструятся бе-

гоний», то человек обретет Истину бытия, познает основы мироздания:

Ты взойдешь в золотые потоки
Круговых бесконечных гармоний [7, с. 362].

Перелешина изначально притягивала соотношение мира природы и мира человеческой души, в частности – смена времен года. В его творчестве прослеживается постоянный образ осени с особым философским содержанием, навеянным впечатлениями от увядающей природы и пронизанным единым печальным настроением:

Прощальный день, обманчиво спокойный,
Задумчивое небо сентября... [7, с. 390].

Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет – родной и щемящий... [7, с. 394].

И больше: грусть начальной осени... [7, с. 395].

Стихотворения с этим образом построены на идущем от фольклора параллелизме мира природы и мира человеческой психики. Этот параллелизм постепенно переходит в постоянное сопоставление двух близких миров. Антропоморфизм природы у Перелешина – не только и не столько проекция душевных состояний и переживаний лирического героя, сколько отыскивание глубинных связей между явлениями, всеобщих законов бытия, управляющих природным круговоротом, человеческой психикой и общественными процессами.

Сквозной мотив в стихотворениях об осени – умирание, смерть, похороны (солнца, листьев, цветов). Отсюда – образные картины кладбища с соответствующими атрибутами: могила, гроб, цветы на могиле:

И память мне не раз покажет снова
Кладбищенский многоречивый сад... [7, с. 391].

В начале сентября,
От зноя отдыхая...

Торжественная тишь
Над мертвыми стеблями [7, с. 399].

В стихотворении «Красные листья под инеем» осенние мотивы уже не отмечены такой безысходностью, лирический герой стремится отыскать для них гармоничное решение. Природный круговорот видится печальным, но естественным. Автор подчеркивает быстротечность жизни, но с этим приходится мириться:

Осень чиста и прозрачна, грустна и свободна.

Осень усталая – к жизни ее не зови.

Осенью иней на листьях, как панцирь холодный,

Гордая осень от вас не захочет любви.

Да, но и осенью в полдень сильнее пригревает
Бледное солнце и светит в кленовом саду.

Будет минута: неласковый иней растает... [7, с. 405].

В поисках смысла жизни и законов бытия поэ-

зия Валерия Перелешина колеблется между надеждой и отчаянием, между светлым блаженством творчества, чувством всемирной сопричастности и горестными муками одиночества невосполнимых утрат.

Так, в стихотворении «Рок» автор сравнивает лирического героя с «пароходиком, втиснутым в шлюзы», которого несет по реке жизни. Человек оказывается совершенно бессильным в круговороте жизни, потому что он совершенно ничего не знает ни о себе, ни о мире, в который он пришел:

Чтоб тотчас же совсем по-иному
Закружил в опрокинутый век
На планете досель незнакомой,
Незнакомый себе человек [8].

В конце стихотворения автор приходит к выводу, что мир – это тюрьма:

Ах, от мысли, что все неуклонно –
мы как пленники, мир как тюрьма... [8].

Но в то же время Перелешин верит в Истину и Добро. Например, в стихотворении «Непобежденный» он говорит о том, что его «душа не упадет во прах»:

Все силы мира взвесив на весах,
Я ведаю, что лишь одно опасно,
Одно, что погубить меня б могло:
Ответить злом на сделанное зло! [9].

В этом стихотворении возникает религиозный образ христианского смирения, который достаточно часто встречается в его произведениях.

Смерть в стихотворениях Перелешина не несет трагического значения, она приобретает религиозный смысл успокоения, избавления от земных страданий:

Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы [7, с. 390].

В соответствии с религиозно-философской идеей космизма, поэт отрицает страх перед смертью, воспринимаемой как переход в Царство Всевышнего, как возможность обрести вечный покой:

Говорят, что тех, кто ушел от нас,
Принял благостный ангел встреч.
И утешил их милосердный Бог
В беспечальных Своих местах,
Где они пребывают как пар, как вздох, –
Уверяет старик-монах [10].

Путь к истине и свободе – весьма значимая для Валерия Перелешина тема. Он стремился к гармонии, находя ее в связях человека с миром природы, а через него – с Космосом, вечностью, Богом:

И с Господом замкнушь наедине
В подпольи ли, в холодной ли пещере,
Но только бы не отворялись двери
Назад, к людской возне и болтовне! [11, с. 173].

Герою чужды земные заботы и стремления, его интересуют вопросы гносеологические и бытийные:

Но с юных лет, чудак и непоседа,
Не к быту я тянусь, а к бытию [11, с. 87].

Лирический герой верит в высокое предназначение человека, его душевную гармонию с миром. Природа, как и церковь, дает человеку душевное успокоение и очищение от грехов, потому что природа – это продолжение Бога:

Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.
Ущедрите пустое сердце мне,
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар – как любящий и как любимый! [7, с. 391].

Сквозная тема многих произведений Валерия Перелешина – вдохновение и познание. В «космических» стихотворениях душа лирического героя с наступлением ночи воспаряет к звездам, путешествует в просторах Космоса, созерцает великолепное устройство Вселенной. Так, в стихотворении «Небо» 1943 г. лирический герой говорит о том, что в мире, полном боли и жестокости, только небо, «божья палатка среди мировых пустот», дарит ощущение покоя и защищенности. Планеты воспринимаются героем чем-то близким, родным, знакомым:

По осиянным полотнам его лазури
Солнце плывет золотое, как рыжий лев,
Медлит тяжелый Юпитер, кружит Меркурий,
Сонная бродит луна, от весны сомлев [12, с. 29].

И именно здесь, среди странствующих звездных тел, «домы для кротких и плачущих», «домы для любящих терния и вериги». В финале стихотворения лирический герой обращается к Богу, называя небо голубое «святым бальзамом».

Во многих текстах Валерия Перелешина душа героя устремляется в небо, в Космос, в бесконечное пространство:

Свободный, я сжег за собою последний мост
И к вечному Солнцу лечу, как Твои планеты [12, с. 36].

О луна, золотая наяда...
Я люблю тебя только одну!
Я Меркурия чту и Сатурна,
И Венера берет меня в плен... [12, с. 48].

Взлет становится возможным на крыльях поэзии, творческой фантазии. Душа поэта улетает от каждодневной суеты, мелочных забот, низменных интересов к высокому, истинному, вечному:

Так, чуждый всем цепям и верам
И суетливости кликуш,
Поэт проходит Гулливером
Над миром карликовых душ [13, с. 13].

Но это не поиск забвения в звездных вымечтанных пространствах и не уход в «чистое искусство». Как отмечал О. А. Бузуев, поэт словно полемизирует с Н. Гумилёвым и переносит акцент на «отсутствие» романтизма в серой и скучной жизни тех, кто, «таясь по кабинетам, под гнетом умных и тяжелых книг», пытается вновь обрести вдохновение, «моля у прежней музы, как рабы, / Взаимы то грустной флейты, то трубы» [2, с. 33].

В поэзии Перелешина можно отметить классический в литературе конфликт «поэта» и «толпы», когда та не признает богоизбранности поэта, отвергает его особую природу:

Не прощают бессонниц
Те, кто спят по ночам [13, с. 3].

Но герой осознает необходимость вернуться к земным делам ради служения людям. Звезды дают поэту высокую точку отсчета в его помыслах, позволяя соприкоснуться с тайнами мироздания и острее почувствовать земной удел, охватить разумом единство вечного и повседневного. Отзвук вселенской гармонии Перелешин находит в непосредственно созерцаемом мире природы:

Ни рас, ни каст, ни вер... Широко как море,
Как море, я останусь одинок –
Устало отражать чужие зори,
Роптать и порываться на восток.
Свобода, одиночество... ну, что же:
Сказать по правде, я вполне готов,
Как никому неведомый прохожий,
Последним греться у чужих костров [13, с. 25].

Поэзия становится для автора убежищем от неправедного, дисгармоничного мира – ради познания всеобщих законов, в том числе законов красоты. Творчество дает возможность прикоснуться к тайнам бытия, к которым, очевидно, поэт причастен. Обладая тончайшей способностью чувствовать, он передает в своих стихотворениях отрывки своих видений, мистических догадок-подозрений. Всевидящее око поэта способно познавать тайны Вселенной только ночью, потому что только ночь способна говорить правду:

Зато потом, склонившись над заливом,
Прищурит ночь зеленоватый глаз
И свой начнет скандировать рассказ,
И, как она, я стану прозорливым [11, с. 14].

День же показывает только то, что на поверхности, только внешнее содержание, которое подчас оказывается обманчивым:

День видится нарядным и красивым
С гармоникой и в кольцах напоказ,
Но каждый тот обточенный алмаз –
Одной душой с хозяином хвастливым [11, с. 14].

Только во мраке он, «ночной» поэт, сможет познать тайны бытия и истину Вселенной:

Не в эти ли волшебные часы

Колеблются вселенские весы,
Феб, нехотя, покорствует поэту
И рифмою готов ему помочь? [11, с. 13].

Только ночью он может свободно выпускать «проворную мечту в мир парусов, папирусов и тлена» [11, с. 14] и говорить обо всем, и даже о своей трагической любви:

Лишь по ночам, без ширмы и без маски,
Сонетные замешиваю краски
И мучаюсь в отсутствии твоём [11, с. 31].

Лирический герой говорит о том, что каждодневный уход ночи он пытался приостановить, задержать:

А я – ночной. Несчитанные годы
Я зоркою заполнил тишиной,
И столько раз я для нее одной
Насильственно задерживал восходы! [11, с. 13].

Но и тут он, понимая незыблемость законов природы, проявляет смирение и подчиняется законам мироздания:

Но, все-таки, я уступаю свету,
И снова мы, как были: день и ночь [11, с. 13].

Над гармоничным, целостным, разумно устроенным миром светит око Божье. Божественное начало разлито в природе, так как все в ней – проявление Всевышнего. Человеку надлежит изучить эти божественные законы и не нарушать их, по ним должно строиться и человеческое общество.

В стихотворении «Молчанье» поэт говорит о том, что только смирение дает возможность человеку приобщиться к Богу, а необузданные эмоции – это «бесовская злоба»:

Молчанье, молчанье до гроба –
Ведь если раскроешь уста,
Взметнется бесовская злоба
На голос, упавший с креста [7, с. 383].

Мысль о ничтожности человека перед Всевышним уравнивается пониманием того, что и взлеты духа, и гордая воля, и славные деяния человеческие – тоже от Бога:

Пусть рушатся подрубленные троны,
Горят леса и гибнут города,
Но грозные железные законы
Раз установлены – и навсегда [13, с. 24].

Импульс для скорбных раздумий поэта – конкретный, земной: бегство родителей из России, жизнь на чужбине, страшные события в родной стране. Верное служение Богу не уберегает от невозполнимых утрат. Без ответа остается мучительный вопрос «за что?»:

Но откуда же слезы и жалобы,
И смятение, и жалость, и страх?
И к чему же так скоро устала бы
Наша кровь повторяться в веках? [13, с. 31].

И все же лирический герой не бунтует против Бога, он смиряется с его волей:

От века знаки нам положены,
И сказано устами Бога,
Что дни и лета всем умножены
Не престающим порога [13, с. 44].

Мотив ничтожности человека перед Богом переходит из светлой тональности упования к мрачным аккордам безнадежности, но не безверия.

На наш взгляд, истоки религиозности лирики Валерия Перелешина основываются не только на монашеском опыте поэта, но опираются и на новое религиозное сознание литературы конца XIX – начала XX в., «когда творцы культуры сознательно или нет пытались преодолеть пагубный для культуры разрыв между искусством, философией и религиозным сознанием...» [14, с. 112]. Г. Флоровский, православный священнослужитель, также подчеркивал, что культура Серебряного века развивалась под знаком религиозного возрождения не только философской, но и эстетической своей ипостаси: «Это был особый путь возврата к вере, через эстетизм и через Ницше, и в самой вере оставался осадок этого эстетизма, остаток искусства и литературности. Раньше у нас возвращались к вере через философию (к догматике) или через мораль (к Евангелизму). Путь через искусство был новым» [15].

Таким образом, стержневыми для религиозно-философской поэзии Валерия Перелешина становятся такие проблемы, как жизнь, смерть и бессмертие, хаос и упорядоченность, соотношение сиюминутного и вечного, части и целого – в природе, обществе, мировом пространстве.

При этом лирик стремится раскрыть законы, управляющие миром, – от жизни растений до процессов во Вселенной. Связующим разумным элементом мироздания становится для него человек.

Перелешин упорно искал гармонии в окружающей жизни. Вера в Бога не покидала его в самые трудные минуты, когда поэта терзали сомнения и отчаяние. Гармоническое равновесие, соблюдение высших законов он находил в природе, представляющей ему неразрывно связанной с человеческим бытием. Природа стала для него образцом мироустройства и критерием истины. Мгновения творчества, священные прозрения поэта также были для Перелешина краткими вспышками гармонии, ни с чем не сравнимыми. Природа и поэзия оказывались его «убежищами» в несовершенном мире.

Когда же жизнь разочаровывала поэта в очередной раз и смысл бытия ускользал, Перелешин предпочитал смирение. Он отвергал темный бунт против божественных начал жизни.

Убежденность в правильном, разумном устройстве Вселенной, частичкой которой является человек, помогала Перелешину выдерживать натиск подавленности и бессилия, нараставших с годами. Загадки бытия были сложны, подчас неразрешимы, но поэта спасала сопричастность великому целому: народу, человечеству, земному и внеземному миру в его материальном и духовном измерениях.

Перелешин всегда был предельно честен, нравственно открыт в своих религиозно-философских поэтических исканиях. Он разворачивал перед читателями свои сомнения, заблуждения, разочарования и неизменно устремлялся к свету, правде и естественной простоте.

Духовные поиски поэта актуальны для современного читателя, так как человеку по-прежнему непросто найти себя в мире. Творчество Валерия Перелешина убедительно свидетельствует о положительных результатах в поиске жизненных опор, среди которых – сама поэзия и вера в Бога.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 119.
2. Бузуев О. А. Творчество Валерия Перелешина: моногр. Комсомольск-на-Амуре: КнАГПУ, 2003. 122 с.
3. Кузнецова Ольга. О бразильском архиве Валерия Перелешина. URL: <http://http://rukopis.imli.ru/?n=14>
4. Петрова Н. Г. О некоторых особенностях заглавий поэтического дискурса акмеистов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 180–183.
5. Три письма Валерия Перелешина. Публ. Аллы Кторовой // Новый журнал. 1999. № 216. С. 149.
6. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М., 1998. 272 с.
7. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
8. Леонидов Виктор. Опрокинутый век // Новая Юность. 1999. № 3 (36). URL: <http://magazines.russ.ru/authors/p/pereleshin/>
9. Перелешин Валерий. Непобежденный // День Рериховской поэзии. 2005. № 5 (133). URL: <http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/18580>
10. Перелешин Валерий. Над гробом // Школа Жизни.ру. URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-18678/>
11. Перелешин Валерий. Ариэль: девятая книга стихотворений. Frankfurt / Mein, 1976. 179, [4] с.
12. Перелешин Валерий. Жертва: четвертая книга стихотворений. Харбин, 1944. 51 с.
13. Перелешин Валерий. Южный дом: пятая книга стихотворений. [München-Allach]: Изд. авт., 1968. 45, [1] с.
14. Слюсаренко М. А. «Серебряный век» России и праздничная культура начала XX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 2 (39). С. 111–117.
15. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Ч. II. На пути к катастрофе. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/florovsky/path2/28.html>

Санникова И. Р., аспирант.

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

Ул. Кирова, 17/2, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, Россия, 681000.

E-mail: euphoria1982@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.07.2012.

I. R. Sannikova

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ORIGINALITY OF THE LYRICS BY VALERY PERELESHIN

The question of a religious and philosophical originality of the lyrics of the bright representative of the Russian abroad of the Far East of Valery Pereleshin is considered in the article. The influence of the philosophy of the Russian cosmism clearly is traced in religious and philosophical motives and images of the poet.

Key words: *lyrics, the Russian abroad of the Far East, Valery Pereleshin, philosophy, religion, Russian cosmism.*

Amur State University of the Humanities and Pedagogy.

Ul. Kirova, 17/2, Komsomolsk-na-Amure, Khabarovskiy kray, Russia, 681000.

E-mail: euphoria1982@mail.ru